

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19155-66>

Исследовательская статья

Чочиев Георгий Витальевич,
к.и.н., старший научный сотрудник
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия
georg-choch@yandex.ru

ИММИГРАЦИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1820-е – 1850-е гг.)

Аннотация. Целью исследования является установление имевших место в период и на фоне Кавказской войны фактов иммиграции дагестанцев в Османскую империю, основных районов их поселения и особенностей социально-экономической и политической адаптации. На достаточно ранней стадии российской военно-политической экспансии на Северо-Восточном Кавказе выявилась привлекательность османского государства как места эмиграции для некоторых представителей вовлеченной в противоборство с русскими силами дагестанской элиты, что было обусловлено не только текущей международно-политической конъюнктурой, но и давними связями многих ханств и джамаатов со Стамбулом и соответствующими расчетами на благосклонный прием. Заметную категорию переселенцев составили лица духовного звания, пользовавшиеся особой опекой Порты и включавшие в себя как стремившихся к поселению в Хиджазе и других мусульманских центрах империи сугубо религиозных иммигрантов, так и предположительно причастные к движению сопротивления на Кавказе суфийские общины с определенными реваншистскими устремлениями в отношении покинутой родины. С начала 1850-х гг. на передний план среди мухаджиров выдвинулись аграрные (крестьянские) группы, как правило возглавляемые улемами, но нередко поселяемые властями отдельно от них в сельской местности с предоставлением ограниченной материальной помощи. Несмотря на тенденцию к постепенному увеличению на протяжении рассматриваемого периода притока дагестанцев в султанские владения, общее число иммигрантов едва ли превысило 1–2 тыс. чел., расселенных по городам и селам Анатолии, арабских провинций и Балкан. Статья основана на анализе главным образом турецких архивных источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Дагестан; Кавказская война; Османская империя; иммиграция; колонизация; адаптация.

Для цитирования: Чочиев Г.В. Иммиграция дагестанцев в Османскую империю в период Кавказской войны (1820-е – 1850-е гг.) // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 1. С. 55-66. doi.org/10.32653/CH19155-66

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19155-66>

Research paper

Georgy V. Chochiev

Cand. Sci. (History), Senior Researcher

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz

Scientific Centre, RAS, Vladikavkaz, Russia

georg-choch@yandex.ru

IMMIGRATION OF DAGESTANIS TO THE OTTOMAN EMPIRE DURING THE CAUCASIAN WAR (1820S–1850S)

Abstract. The purpose of this study is to identify the facts of immigration of Dagestanis to the Ottoman Empire during the Caucasian War, the main areas of their settlement and the features of their socio-economic and political adaptation there. At a fairly early stage of the Russian military-political expansion in the North-Eastern Caucasus the Ottoman state became attractive as a place of emigration for some members of the Dagestan elite involved in the confrontation with the Russian forces, due not only to the current international-political situation but also to the long-standing ties of many khanates and jamaats with Istanbul and the corresponding expectations for a favorable reception. A noticeable category of migrants was made up of persons of clergy, who enjoyed the special care of the Porte and included both purely religious immigrants who aspired to settle in the Hijaz and other Muslim centers of the empire, and Sufi communities presumably involved in the resistance movement in the Caucasus with certain revanchist aspirations in relation to their abandoned homeland. From the beginning of the 1850s, agrarian (peasant) groups came to the fore among the muhajirs, usually led by the ulemas, but often settled by the authorities separately from them in rural areas with limited material assistance. Despite the trend towards a gradual increase during the period under review of the influx of Dagestanis to the Sultan's dominions, the total number of immigrants hardly exceeded 1–2 thousand people settled in the cities and villages of Anatolia, the Arab provinces and the Balkans. The paper is based on an analysis of mainly Turkish archival sources, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Dagestan; Caucasian War; Ottoman Empire; immigration; colonization; adaptation.

For citation: Chochiev G.V. Immigration of Dagestanis to the Ottoman Empire during the Caucasian War (1820s–1850s). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N. 1. P. 55-66. doi.org/10.32653/CH19155-66

Миграция дагестанцев в страны мусульманского Ближнего Востока имеет давние исторические корни, восходя, по некоторым данным, к XII столетию. Наиболее заметный характер этот феномен приобрел в османскую эпоху. Начиная с XVI в. во владения Порты, особенно Хиджаз и Сирию, регулярно прибывали представители духовного сословия Дагестана, целому ряду из которых удалось сделать на своей новой родине впечатляющую карьеру [1, с. 59–61; 2, с. 756–757, 801]. Известны дагестанцы также среди османской военной и административной элиты [2, с. 217, 275–276, 633]. Эти ранние индивидуальные иммиграции были обусловлены социально-экономическими и культурными факторами и осуществлялись на добровольной основе, не будучи каким-либо видимым образом связаны с внешним или внутренним политическим принуждением. Лишь с началом Кавказской войны, по мере усиления российского военно-политического давления, эмиграция в Османскую империю стала, по-видимому, представлять часть вовлеченных в противостояние горских лидеров и сообществ одним из возможных вариантов реакции на возможное поражение. Тем не менее, в силу отсутствия у российского руководства цели депортации коренного населения Северо-Восточного Кавказа (в отличие от Северо-Западного) переселение дагестанцев в османские пределы не приобрело массового характера даже после окончательного покорения региона в 1859 г., а количество лиц, покинувших родину с середины XIX до начала XX в., едва ли превысило 20 тыс. [3, с. 85–86; 1, с. 85].

В посвященных дагестанскому мухаджирству исследованиях отечественных авторов, прежде всего в монографическом труде А.М. Магомеддаева [1; 4], на основе главным образом широкого круга российских источников показаны социально-экономические, политические и религиозные причины этого явления, его этапы и последствия для дальнейших судеб региона. Вместе с тем очевидно, что привлечение турецких архивных документов способствовало бы формированию более полного и точного представления о хронологии, масштабах и обстоятельствах переселенческого движения, политике Порты в данном вопросе и особенностях расселения, адаптации и этносоциальной эволюции мухаджиров и их потомков в османском государстве. Необходимо в этой связи отметить, что, несмотря на появление в последние десятилетия в турецкой историографии немало числа основанных на архивном материале работ о северокавказской иммиграции и колонизации [см, напр.: 3; 5; 6], процесс переселения на османскую территорию жителей Дагестана получил в них сравнительно ограниченное освещение, а специального исследования по указанной теме до сих пор не создано.

Предлагаемая статья представляет собой попытку восполнить в какой-то мере этот пробел посредством ввода в научный оборот османских документов, касающихся нескольких эпизодов иммиграции дагестанцев в султанские владения в период и на фоне Кавказской войны в 1820-е – 1850-е гг. Данные материалы относятся к фондам «Августейшие рескрипты» (Hatt-ı Hümayun), «Высочайшие указы» (İrade), «Великий везират» (Sadaret), «Министерство иностранных дел» (Hariciye Nezareti) и «Джевет» (Cevdet) Османского архива Управления государственных архивов при Администрации Президента Турецкой Республики. Также использованы документы других фондов, опубликованные или цитируемые в трудах турецких историков. Хотя этими свидетельствами далеко не исчерпывается весь массив османских источников по дагестанскому мухаджирству, содержащаяся в них информация, несомненно, проливает определенный свет на ряд малоизученных аспектов рассматриваемой проблемы и может послужить отправной точкой для дальнейших исследований в этом направлении. Помимо османских материалов, привлечены и некоторые малоизвестные мемуарные свидетельства.

Наиболее ранним обнаруженным в источниках фактом переселения выходцев из Дагестана в Османскую империю в означенный период является прибытие в страну членов семьи низложенного русскими в 1820 г. владетеля Казикумуха Сурхай-хана II, представлявшее собой типичную политическую иммиграцию и квалифицируемое султанскими чиновниками как «поиск убежища, укрытие» (*ильтиджа*). Известно, что в начале ноября 1827 г. в Эрзурум прибыл внук бывшего правителя Хатем-хан¹ с «примерно восьмьюдесятью женщинами, детьми и сопровождающими лицами», в связи с чем Порты 17 ноября направила губернатору Эрзурумского эялета (провинции) предписание о назначении ему ежемесячного жалованья в 2,5 тыс. курушей². Спустя неделю, 24 ноября, в Стамбул поступило донесение о прибытии в Эрзурум также «шамхал-хана из дагестанских ханов», под которым подразумевался Нух-хан – сын Сурхай-хана и отец Хатем-хана. При этом Нух-хана сопровождало семейство из 30 душ, в состав которого входили еще один его сын Мехмед-хан³ и племянник Ама-лат-бей⁴.

Следующее упоминание о представителях данного семейства относится к периоду русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В октябре 1828 г., на фоне приближения наступающих русских войск к Эрзуруму, Нух-хан с сыном Мехмед-ханом и 24 приближенными лицами, заручившись рекомендательными письмами эрзурумского и трабзонского губернаторов, отправился «для испрошения милости падишаха» в Стамбул⁵, где группа провела несколько следующих месяцев на полном государственном попечении⁶. Не вполне ясно, на каком должностном уровне был принят в столице Нух-хан, но известно, что им было подано на имя великого везира обращение, в котором, в частности, описывались «этапы тридцатилетней борьбы против русских» его отца Сурхай-хана и его самого, а также выражался упрек османам за не оказание ими, несмотря на неоднократные просьбы казикумухцев, помощи в этой борьбе. Именно последнее обстоятельство, по утверждению шамхала, и «вынудило его вместе с двумястами сорока чадами, домочадцами и подданными бежать» в Анатолию. Далее в документе заявлялось о неизменной «готовности Дагестана к восстанию» и желании Нух-хана и его спутников поступить на службу в османскую армию⁷. У нас нет информации о реакции властей на это обращение, в том числе в части удовлетворения просьбы о приеме на военную службу. Самое позднее упоминание о присутствии Нух-хана в Стамбуле относится к концу декабря 1828 г.⁸, что не слишком противоречит сообщению российских источников о его смерти в Турции в указанном году [7, с. 28].

Впрочем, и после этого Порты продолжала до известной степени опекать представителей данного рода. Так, во время посещений Мехмед-ханом Стамбула в 1830 и 1831 гг. из казны вновь отпускались определенные средства на обеспечение его пребывания в столице⁹. Местом же постоянного проживания Мехмед-хана и Хатем-хана после окончания войны 1828–1829 гг. стал санджак (округ) Токат Сивасского эялета, причем каждый из братьев получал жалованье в размере 2 тыс. курушей, а общие

1. В русских источниках известен как Гатам-бек.

2. Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi (далее – BOA). Cevdet. Hariciye (далее – С.НР), по 113/5622. Куруш (османский пиастр) – денежная единица, сотая часть лиры. В середине XIX в. приблизительно равнялся четверти французского франка.

3. В русских источниках известен как Магомед-бек.

4. BOA. С.НР, по 184/9167, 125/6249.

5. BOA. Hatt-ı Hümayun (далее – НАТ), по 1107/44641, 1107/44641-А, 1107/44641-В.

6. На средства казны для проживания гостей были сняты меблированные комнаты, а для приготовления им еды приобретены 14 пищевых баков и 10 котлов (BOA. С.НР, по 53/2603, 112/5567, 125/6249).

7. BOA. НАТ, по 1107/44641-С, 1107/44641-С, 1107/44641-Ф.

8. BOA. С.НР, по 112/5567.

9. BOA. С.НР, по 125/6249, 68/3391, 64/3167.

расходы государства на содержание их «домов» составляли 10 тыс. курушей в месяц¹⁰. Согласно же документу 1850 г., Мехмед-хан получал уже 4 тыс. курушей, однако, ссылаясь на преклонный возраст и нужду, обратился к властям с просьбой об увеличении этой суммы еще на 2 тыс. для обеспечения своего семейства продовольствием. В составленном после изучения ситуации правительственным постановлении отмечалось, что заявитель действительно испытывает материальные затруднения, «так как проживает с многочисленными родственниками обоюбого пола», но признавалось целесообразным ограничиться ежегодной выдачей ему 70 киле¹¹ пшеницы и ячменя¹² [8, с. 277–278]. В 1861 г., после смерти Мехмед-хана, его жалование было распределено между его детьми¹³.

Можно предположить, что благосклонность Порты к наследникам Сурхай-хана объяснялась уважительным отношением к их роду и его вкладу в сопротивление российской экспансии на Кавказе, а также – возможно, не в последнюю очередь – связями, которыми мог обзавестись Нух-хан во время своего первого визита в Стамбул в 1826 г., когда по заданию отца он предпринял безуспешную попытку обеспечить своему ханству военно-политическую поддержку османов [7, с. 28]. Во всяком случае нельзя не заметить, что оказанный членам этого дома прием резко контрастировал с отношением, например, к некому Махмуд-хану «из дагестанских ханов» (другие сведения об этом лице отсутствуют), также прибывшему в конце 1828 г. вместе с братом и группой лиц в прифронтной Эрзурум в поисках убежища. В ответ на его прошение о назначении ежемесячного жалования «на период их вынужденной задержки» в этом городе последовал рескрипт султана Махмуда II (1808–1839), в котором с нескрываемым раздражением констатировалась «...абсурдность в годину столь великих бедствий государства... расходования средств на подобных... ввиду их полной бесполезности», хотя все-таки предписывалось губернатору Эрзурумского эялета выдать просителю разово и в виде исключения 3–4 тыс. курушей¹⁴.

Несмотря на то, что в документах 1830-х – 1840-х гг. не выявлено сообщений о прибытии в страну аграрных переселенцев из Дагестана, ряд источников косвенным образом свидетельствует об иммиграции и поселении в Анатолии в этот период по меньшей мере одной такой небольшой общины. В частности, в реестре населения центральной казы (уезда) санджака Токат за 1279 / 1862–63 г. перечислены состоящие в общей сложности из 58 душ мужского пола 26 дагестанских (*дагыстанлы*) семейств, которые, будучи поселены там «тридцать лет назад», на момент составления реестра по какой-то причине все еще числились в статусе «мухаджиров» и как минимум теоретически располагали определенными льготами, что и было исправлено чиновниками [8, с. 274–275]. Вполне вероятно при этом, что количество дагестанцев, обосновавшихся в казе в означенный период, то есть приблизительно в 1832–1833 гг., в действительности не ограничивалось этими семействами и включало в себя также лиц, своевременно переведенных в разряд «обычного населения».

По всей видимости, об этой же общине идет речь и в сообщении побывавшего в 1849 г. в окрестностях города Токат секретаря русской части смешанной посреднической комиссии по турецко-персидскому разграничению Матвея Гамазова о том, что «[з]десь проживают около 40 семейств лезгин, из которых большая часть прибыла

10. BOA. С.НР, по 101/5035, 48/2376, 97/4837.

11. Киле – мера сыпучих веществ, равная 36% литра.

12. BOA. İrade. Meclis-i Vala (далее – İ.MVL), по 181/5422; BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi. Meclis-i Vala (далее – А.МКТ.МVL), по 91/70.

13. BOA. İ.MVL, по 456/20445.

14. BOA. НАТ, по 635/31321-А, 635/31321.

сюда вместе с закатальским ханом, бежавшим из Джаро-Белоканской области после взятия Ртищевым Новых Закатал и получавшим от Порты по 4000 пиастров (240 р. с.) в месяц»¹⁵ [10, с. XXVI]. Очевидно, что такая миграция могла иметь место после русской оккупации земель джаро-белоканских вольных джамаатов в 1830 г. или последующего подавления восстаний их жителей в 1830–1832 гг. [9, с. 102–158], тем более что власти были весьма заинтересованы в удалении из региона «беспокойного» элемента и рассматривали соответствующие проекты [11, с. 102–103]. Не вполне понятно, правда, кто подразумевается под «ханом» этой своеобразной горской республики. В связи с этим, на наш взгляд, возможны два допущения: с одной стороны, автор приведенного свидетельства мог по ошибке или недостатку информации принять за лидера закатальских переселенцев проживавшего там же наиболее знатного и авторитетного дагестанца, а именно вышеупомянутого Мехмед-хана Казикумухского, с другой же – к указанному времени могло произойти объединение под общим лидерством двух одновременно прибывших и разноэтничных, но поселенных (либо сознательно поселившихся) в непосредственной близости друг от друга малочисленных групп выходцев из одного региона с дальнейшей выработкой ими единого «переселенческого мифа».

В пользу скорее второго предположения говорят воспоминания американского протестантского миссионера в Токате в 1854–1856 гг. Генри ван Леннепа¹⁶. Описывая проживающих по соседству с миссией дагестанцев (*лезги*), он локализует страну их происхождения «у южного подножья Кавказских гор» и отмечает, что данное «племя» состоит из хана и его наиболее верных последователей, которые после окончательного поражения от русских нашли приют во владениях султана и получили от него землю и дома, а предводители также жалованья «на единственном условии, что они будут сражаться с его врагами в случае войны». На основе личного опыта общения с этими колонистами ван Леннеп нашел их «весьма ревностными мусульманами, но в то же время способными к установлению теплых привязанностей людьми и приятными и умными собеседниками». Он высоко оценил также их искусство верховой езды и обращения с оружием, «которое их собственного изготовления, но превосходного качества» [12, с. 300–301]. Хорошо был известен мемуаристу и «старый вождь» переселенцев, «последний из независимых ханов своей страны», пользовавшийся среди членов общины более реальным влиянием, чем местные администрация и суд [12, с. 160–161].

Заслуживает упоминания неудавшаяся попытка переселения в Османскую империю еще одной видной и вместе с тем противоречивой фигуры горского сопротивления в Дагестане – последнего владетеля Илисуйского султаната и наиба имама Шамиля Даниял-бека. Как следует из переписки между губернатором Эрзурумского эялета и великим везиром, не позднее июня 1849 г. Портой было рассмотрено представленное в Эрзурум доверенным лицом Данияла прошение последнего о «его вывозлении (*тахлис*) оттуда и привлечении (*джельб*) в Высокое Государство». Остаются неясными как причины данного демарша наиба, так и вопрос о том, имелось ли им в виду постоянное поселение или лишь временное пребывание и, возможно, военная или государственная служба в султанских владениях. Не вызывает, однако, сомнений негативное отношение к этой просьбе османских властей, обусловленное, вероятно,

15. В данном пассаже неясна личность военачальника по фамилии Ртищев в контексте «взятия» Новых Закатал – крепости, основанной в 1830 г. и осенью того же года успешно деблокированной от сил восставших горцев русскими войсками, среди главных командиров которых не значится подобное лицо [см.: 9, с. 102–150].

16. Деятельность этих миссионеров была направлена на обращение в протестантизм анатолийских армян.

стремлением не раздражать российское руководство, равно как и Шамиля. Не желая в то же время отталкивать от себя и Данияла, Порта поручила губернатору сообщить наибу через его гонца о невозможности немедленного удовлетворения его обращения ввиду «недопустимости с точки зрения религии и патриотизма лишения тамошних муджахидов его службы и помощи» и выдать гонцу в знак расположения Стамбула 7,5 тыс. курушей «на расходы». Губернатор успешно выполнил эту задачу, ограничившись суммой в 2,5 тыс., о чем отчитался перед своим правительством в донесении от 28 июля¹⁷.

На протяжении рассматриваемого периода наблюдался также эпизодический приток из Дагестана в османские пределы представителей неаграрных слоев и профессий, обычно встречавших достаточно сочувственный прием со стороны властей и тяготевших к поселению в городах. Среди этих иммигрантов отмечены несколько профессиональных военных. Например, прибывший в 1835 г. в Стамбул некто Абдуллах-бей «из дагестанской знати», имевший опыт службы в российской армии, был немедленно принят на работу во вновь созданное Императорское военное училище (*Мектеб-и харбийе-и шахане*), причем для «обустройства и содержания» его матери и других членов семьи ему было назначено дополнительное ежемесячное пособие в 250 курушей¹⁸. Гораздо многочисленнее, однако, были лица духовного звания. Так, имеется целый ряд свидетельств проживания улемов из Дагестана в городах Бурса, Дамаск, Мекка, Медина, Эрзурум, Амасья и др. Как правило, сразу по прибытии таких переселенцев правительством отдавались на места распоряжения относительно их обеспечения жильем, денежными пособиями и иными формами материальной поддержки¹⁹.

Самая заметная групповая иммиграция представителей духовенства имела место во второй половине 1840-х гг. Летом 1845 г. в Стамбул с Кавказа морским путем прибыло около 40 семейств или более 200 человек, именуемых в документах «дагестанскими мухаджирами» с уточнением об их происхождении из закавказского города Шеки («племени Шеки»)²⁰. Прибывшие принадлежали к ветви халидия суфийского ордена накшбандия и возглавлялись несколькими духовными лидерами. Всем им были назначены на период до обретения экономической самостоятельности поденные «продовольственные» пайки в размере 5 курушей (эквивалент 0,5 окки²¹ хлеба) на человека. Вскоре, однако, большая часть этих мухаджиров отбыла на постоянное жительство в Хиджаз, и мы не обладаем информацией об их дальнейшей судьбе. Оставшиеся 74 человека, не располагавшие, по всей видимости, необходимыми для такого путешествия средствами, включали в себя родственников и учеников двух шейхов – Ахмед-эфенди и Мехди-эфенди. Вплоть до начала 1846 г. они размещались в зданиях двух медресе в районе Ускюдар в азиатской части Стамбула, а затем были переправлены через Мраморное море в Бурсу. Здесь их пайки были урезаны до 3 курушей на основании дешевизны жизни в этом городе по сравнению со столицей, но при этом данным выплатам был придан пожизненный статус²², а впоследствии они были преобразованы в пенсии²³ [13, с. 41–42]. Кроме того, пособия нескольких

17. BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi (далее – А.МКТ), no 216/20.

18. BOA. С.НР, no 114/5692.

19. BOA. А.МКТ, no 125/21, 126/87; BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi. Nezaret ve Devair (далее – А.МКТ.НЗД), no 122/95, 123/65, 123/89, 124/1, 148/75, 209/39; BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi. Umum Vilayat (далее – А.МКТ.УМ), no 15/64, 132/37; BOA. İ.MVL, no 205/6564, 211/6929, 238/8448, 239/8531, 300/12250, 335/14417, 360/15800, 368/24367.

20. BOA. Hariciye Nezareti. Tercüme Odası, no 209/24; BOA. İrade. Dahiliye (далее – İ.ДН), no 114/5757.

21. Окка – мера веса, равная 1,283 кг.

22. BOA. İ.ДН, no 114/5757; BOA. Cevdet. Dahiliye, no 306/15265.

23. BOA. İ.MVL, no 554/24873.

умерших в этот период мухаджиров не были, несмотря на требование инструкции, возвращены в казну, а распределены среди наиболее бедных членов общины. Весной 1847 г., впрочем, Ахмед-эфенди и его последователи в количестве 37 человек переселились из Бурсы в Мекку при организационной и материальной помощи властей и с сохранением за ними всех выплат²⁴.

Иммигрировавшая в ноябре 1849 г. еще одна группа дагестанских накшбандиев во главе с шейхом Хаджи Абдурахим-эфенди в составе 51 человека первоначально также была направлена в Бурсу²⁵, но, проведя там около полугода, предпочла переселиться в Медину²⁶.

Иллюстрацией дифференцированного подхода Порты к приему аграрных и религиозных иммигрантов может служить ситуация вокруг прибывших в июле 1850 г. сухим путем в Эрзурумский эялет 106 дагестанцев, которые вследствие непредставления им местными властями достаточной помощи оказались к весне следующего года в бедственном положении, потеряв из-за голода и болезней 8 человек. В поданном направленными ими в Стамбул представителями – Али-эфенди, Юсуф-эфенди и Мехмедом Эмин-эфенди – заявлении в правительство содержалась просьба о скорейшем решении вопроса постоянного поселения членов общины, «как других им подобных», но одновременно выражалась надежда и на особую заботу о самих подателях заявления как о «людях, занятых преподаванием наук,... набожных, немощных и неспособных к заработку». Рассмотревший данное обращение Высший совет по правовым решениям²⁷ в своем представлении Порте констатировал, что, несмотря на действующий в стране «режим экономии», избавление от нужды мусульманских священнослужителей и ученых-алимов является «делом чести Высокого Государства», и рекомендовал назначить трем названным лицам скромные пожизненные пособия в размере от 75 до 100 курушей с разрешением на поселение по их выбору в Дамаске или Бурсе, а «прочим» выделить лишь подходящие для землепашества участки в районе их нахождения²⁸.

Упомянутый «режим экономии», обусловленный ухудшившимся в начале 1850-х гг. состоянием османских финансов, проявился в ограничении объемов поддержки также и других небольших групп дагестанцев, прибывавших в этот период через сухопутную российско-османскую границу в санджаки Карс, Чылдыр и Эрзурум. Об этом свидетельствуют как поступавшие Порте прошения оказавшихся в тяжелом положении иммигрантов²⁹, так и прямые директивы из Стамбула руководству Эрзурумского эялета об отсутствии в казне средств на пособия и жалованья для всех дагестанских мухаджиров и необходимости предоставления им помощи исходя из имеющихся в провинции ресурсов³⁰. Нельзя не заметить, что в этой переписке обходился молчанием и вопрос о налоговых льготах, которые неизменно предоставлялись группам крымских и черкесских аграрных иммигрантов.

Впрочем, в 1850–1853 гг., вплоть до начала Крымской войны, отмечался в целом некоторый рост сухопутной иммиграции из Дагестана по сравнению с предыдущими

24. BOA. A.MKT, no 76/89, 80/31; BOA. A.MKT.MVL, no 5/3; BOA. Cevdet. Maarif, no 149/7437.

25. BOA. I.MVL, no 155/4418.

26. BOA. A.MKT.MVL, no 21/92; BOA. Sadaret. Amedî Kalemi (далее – A.AMD), no 18/47.

27. Высший совет по правовым решениям (Меджлис-и валя-и акхям-и адлийе) – созданный в 1837 г. консультативно-законодательный орган при султани и правительстве Османской империи, прообраз Министерства юстиции.

28. BOA. I.MVL, no 220/7398.

29. Например, просьба о помощи 14 находящихся в Эрзуруме дагестанских семейств от 28 октября 1850 г. (BOA. Sadaret. Divan Kalemi, no 63/54).

30. BOA. A.MKT.UM, no 32/18.

десятилетиями. Из прибывших в эти годы переселенческих партий численностью от нескольких до нескольких десятков человек большинство осело в пределах Эрзурумского эялета, хотя имеются данные о поселении отдельных общин и в таких удаленных от границы районах, как Кастамону, Измит, Денизли и др.³¹ Как правило, эти группы возглавлялись улемами, что следует из таких титулов их предводителей, как «эфенди», «ходжа», «шейх», «хаджи» и т.п., а в ряде случаев, вероятно, представляли собой сложившиеся еще на Кавказе коллективы суфийских наставников, их учеников и членов их семей.

Можно также предположить, что немалую часть этих иммигрантов составляли участники горского вооруженного сопротивления на Кавказе. Во всяком случае на это косвенно указывает факт присутствия в рядах Анатолийской армии в период Крымской войны некоторого числа «дагестанских мухаджиров», которых, безусловно, привлекало туда и установленное османским командованием для таких добровольцев материальное вознаграждение. Отмечены случаи в том числе и совместного отправления на фронт членов иммигрировавших незадолго до войны групп. Так, в датированном декабрем 1854 г. прошении на имя султана Абдулмеджида (1839–1861) двух накшбандийских шейхов – Абдулгафур-эфенди и Сырры-эфенди – сообщается, что тремя годами раньше, «после перехода [их] области в руки врага», они прибыли в Османскую империю и поселились в санджаке Денизли на западе Анатолии. С началом войны они сочли своим долгом примкнуть к «джихаду на пути Аллаха» и вместе со своими сыновьями и примерно 50 учениками-мюридами вступили в действующую армию. После многих месяцев участия в боях в районе Батума, потеряв убитыми и ранеными нескольких членов джамаата, оба шейха «ввиду возраста и наступивших холодов» решили вернуться домой, предварительно заручившись у своего командования ходатайством в Военное министерство о назначении им постоянных жалований. Задержка правительством решения этого вопроса и стала причиной подачи ими прошения, по рассмотрении которого им были установлены пенсии, а также выдано в порядке «милости» по 500 курушей на путешествие из Стамбула в Денизли³². В последующие годы ветеранские пенсии в размере от 100 до 600 курушей были назначены еще не менее чем 20 улемам и их ученикам³³. Общее же число дагестанских мухаджиров, удостоенных за участие в войне различных выплат, льгот и наград, было, по-видимому, многократно больше³⁴.

С другой стороны, в документах периода Крымской войны зафиксированы случаи перехода на османскую сторону находившихся в составе российских войск дагестанцев. К примеру, в сентябре 1855 г. в расположение противника перешел с 35 всадниками полковник Омер-бей «из дагестанской знати», вскоре задействованный на кавказском фронте уже в качестве мирливы (бригадного генерала) османской армии³⁵. В феврале 1856 г. перебежчиками стали некто Хазмат(?)-бей и несколько его товарищей из числа бойцов российских иррегулярных подразделений, получившие за это определенное вознаграждение от своих новых командиров³⁶.

В послевоенные годы как через северо-восточную границу, так и непосредственно в Стамбул иммигрировал еще ряд крестьянских и клерикальных групп, уровень материальной поддержки которых свидетельствует о некотором ослаблении властями

31. BOA. İ.MVL, no 293/11777; BOA. A.MKT.NZD, no 23/89, 108/85.

32. BOA. A.MKT.NZD, no 122/95, 123/89; BOA. İ.MVL, no 324/13839.

33. BOA. Sadaret. Mektubî Kalemi. Mühimme, no 120/97; BOA. İ.MVL, no 403/17498.

34. BOA. İ.DH, no 343/22628; BOA. A.AMD, no 67/35; BOA. A.MKT.NZD, no 186/95.

35. BOA. İ.DH, no 328/21372; BOA. A.MKT.NZD, no 166/16.

36. BOA. İ.DH, no 338/22228.

режима бережливости по сравнению с началом десятилетия. Так, членам прибывшего в конце 1856 г. в санджак Эрзурум «племени теке(?) из дагестанского населения» была предоставлена земля и оказана помощь в строительстве жилья, а их «улемам и беднякам» назначены денежные пособия³⁷. Аналогичные меры были реализованы в тот же период при поселении 128 «дагестанских и нахичеванских мухаджиров»³⁸. Опека персонального характера была в 1857 г. проявлена Портой по отношению к нескольким находившимся в столице представителям дагестанского духовенства. Например, Джафер-эфенди и Хаджи Муса-эфенди получили из казны в качестве высочайшего дара 2 тыс. и 1 тыс. курушей соответственно³⁹. Хамди-эфенди и Насух-эфенди были, вопреки их желанию остаться в Стамбуле, отправлены на жительство в небольшие западноанатолийские города Манису и Ушак, но при этом трудоустроены там в качестве секретарей в местных администрациях⁴⁰. Еще ряду лиц неоднократно продлевались сроки «гостевания» в Стамбуле до окончательного решения вопроса их поселения⁴¹.

В 1273 / 1856–57 г. правительство направило властям санджака Енишехир в Северной Греции (ныне регион города Лариса) предписание о необходимости обеспечения земель, домами, сельскохозяйственными орудиями и временными продовольственными пайками поселяемых в городке Трикала 35 дагестанцев во главе с некими Эмирханом и Эйюбом. Примечательно, что данное сообщение о дагестанской иммиграции, одно из последних в рассматриваемый период, является в то же время первым известным нам документальным свидетельством колонизации северокавказских мухаджиров на османских Балканах.

Подводя некоторый итог изложенному выше, отметим, что уже на достаточно ранней стадии Кавказской войны выявилась притягательность османского государства как места эмиграции («убежища») для некоторых представителей вовлеченной в военное противоборство с русскими силами дагестанской элиты, что было обусловлено как давними политическими и религиозными связями многих феодальных владений и вольных обществ региона со Стамбулом, так и текущей международно-политической конъюнктурой. Отношение Порты к подобным иммиграциям (или их попыткам), судя по трем описанным выше разновременным эпизодам, варьировалось от довольно благосклонного приема с оказанием определенных знаков официального внимания и существенной материальной поддержки (потомки Сурхай-хана в конце 1820-х гг. и позже) до фактического отказа в предоставлении убежища в дипломатической либо весьма откровенной форме (Даниял-бек в 1849 г. и Махмуд-хан в 1828 г. соответственно) в зависимости от статуса конкретных просителей, политического контекста и состояния османских финансов.

Заметную группу дагестанских переселенцев составляли лица духовного звания, пользовавшиеся особой симпатией и заботой правительства. При этом, если часть улемов представляла собой сугубо религиозных иммигрантов, стремившихся к поселению в Хиджазе или других мусульманских центрах империи в богомольческих целях, то часть состояла предположительно из так или иначе причастных к движению горского сопротивления суфийских общин, не лишенных некоторых реваншистских устремлений в отношении покинутой родины. Представители духовенства зачастую выступали и в роли лидеров состоявших преимущественно из крестьян партий

37. BOA. A.MKT.UM, no 290/7.

38. BOA. A.MKT.NZD, no 199/24.

39. BOA. A.MKT.MVL, no 82/80; BOA. A.MKT.NZD, no 227/95.

40. BOA. A.MKT.NZD, no 219/94.

41. BOA. A.MKT.MVL, no 98/85, 102/39, 105/21; BOA. A.MKT.NZD, no 251/80.

иммигрантов, хотя власти явно были склонны к разграничению этих двух категорий, прежде всего с целью контролирования объемов оказываемой им помощи.

В целом, на протяжении рассматриваемого периода наблюдалось постепенное увеличение притока переселенцев из Дагестана, превратившегося с конца 1840-х и особенно начала 1850-х гг. во вполне различимое в государственной межведомственной переписке явление. Тем не менее, общее количество дагестанских мухаджиров этих лет едва ли может быть оценено в более чем 1,5–2 тыс. чел. даже с учетом вероятного неотражения известными нам документами всех случаев иммиграции. Первоначально основным местом поселения прибывавших сухим путем аграрных групп выступал центральноанатолийский санджак Токат, лежавший на их маршруте в глубь страны и в то же время достаточно удаленный как от нестабильного российско-османского пограничья, так и от столичного региона. В 1850-х гг., однако, география размещения дагестанских общин стала включать в себя провинции Восточной и Западной Анатолии и даже Балкан, что, по-видимому, было связано с определенными социально-экономическими и политическими расчетами Порты в рамках ее формирующейся стратегии иммигрантской колонизации.

По крайней мере часть дагестанских поселений (например, в Токате и Денизли) благодаря своей известной культурной обособленности смогла в течение довольно длительного времени сохранить свою этническую идентичность, став в 1860-е – 1870-е гг. местом притяжения для новых групп своих соотечественников [см.: 8; 14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Магомеддадаев А.М. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (история и современность). – Кн. 2. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 212 с.
2. *Mehmed Süreyya. Sicill-i Osmanî. – Cilt 1–6. – İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1996. – 2068 с.*
3. *Habiçoğlu B. Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler. – İstanbul: Nart Yayıncılık, 1993. – 187 с.*
4. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (сборник документов и материалов) / Сост. А.М. Магомеддадаев. – Кн. 1. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. – 434 с.
5. *Saydam A. Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856–1876). – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1997. – 235 с.*
6. *Erkan S. Kırım ve Kafkasya Göçleri (1878–1908). – Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi Yayınları, 1996. – 229 с.*
7. А. К. Казикумухские и кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. – 1869. – Вып. 2. – С. 3–44.
8. *Taşbaş E. XIX. Yüzyılda Tokat'ta Göçmen İskânı ve Göçmen Sevkinde Şehrin Önemi // Gaziosmanpaşa Üniversitesi Tokat Sempozyumu (Tokat, 01–03 Kasım 2012). Bildiriler. – Tokat: Özyurt Matbaacılık, 2013. – Cilt 1. – С. 261–285.*
9. *Петрушевский И.П. Джаро-белаканские вольные обществу. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. – Тифлис: Закавказский филиал АН СССР, 1934. – 160 с.*

1. Magomeddadaev AM. *Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire (history and modernity) [Emigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu (istoriya i sovremennost')]*. Book 2. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2001 : 212. (In Russ).
2. Mehmed Süreyya. *Sicill-i Osmanî*. Vol. 1–6. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1996 : 2068. (In Turkish).
3. Habiçoğlu B. *Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler*. İstanbul: Nart Yayıncılık, 1993 : 187. (In Turkish).
4. Magomeddadaev AM, comp. *Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire (collection of documents and materials) [Emigratsiya dagestantsev v Osmanskuyu imperiyu (sbornik dokumentov i materialov)]*. Book 1. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of RAS Press, 2000 : 434. (In Russ).
5. Saydam A. *Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856–1876)*. Ankara: Publications of Turkish Historical Society, 1997 : 235. (In Turkish).
6. Erkan S. *Kırım ve Kafkasya Göçleri (1878–1908)*. Trabzon: Karadeniz Teknik Üniversitesi Yayınları, 1996 : 229. (In Turkish).
7. A. K. Kazikumukh and Kyura khans. *Collection of information about the Caucasian mountaineers [Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh]*. 1869. Issue 2 : 3–44. (In Russ).
8. Taşbaş E. XIX. Yüzyılda Tokat'ta Göçmen İskânı ve Göçmen Sevkinde Şehrin Önemi. *Gaziosmanpaşa University Symposium on Tokat (Tokat, 01–03 November*

10. Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению (1849–1852) / Под ред. М.А. Гамазова. – СПб: Типография О.И. Бакста, 1875. – СL+803 с.
11. Хапизов Ш.М., Галбацев С.М. Аварский Цор (Закатальский округ) в XVIII – первой половине XX в. – Махачкала: Алеф, 2016. – 294 с.
12. Van Lennep H.J. Travels in Little-known Parts of Asia Minor. – L.: John Murray, 1870. – Vol. 1. – X+343 с.
13. Sarıbal İ. Osmanlı Devleti'nde Muhaceret, İskân ve Entegrasyon: Bursa Sancağı Örneği (1845–1908). – İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2018. – 186 с.
14. Temizkan A. Kafkasya Muhacirlerinin Denizli'de İskânı // Uluslararası Denizli ve Çevresi Tarih ve Kültür Sempozyumu (Denizli, 2006). Bildiriler / Editörler: A. Özçelik, M.Y. Ertaş, Y. Kılıç, Y. Avcı, S. İnan, S. Parlaz. – Denizli: Pamukkale Üniversitesi Yayınları, 2007. – С. 285–289.
- 2012). *Proceedings*. Tokat: Özyurt Matbaacılık, 2013. Vol. 1 : 261–285. (In Turkish).
9. Chirikov EI. *Travel journal of E.I. Chirikov, Russian mediating commissar for the Turkish-Persian delimitation (1849–1852) [Putevoi zhurnal E.I. Chirikova, russkogo komissara-posrednika po turetsko-persidskomu razgranicheniyu (1849-1852)]*. Gamazov MA, editor. Saint Petersburg: Printing house O.I. Bakst, 1875 : CL+803. (In Russ).
10. Petrushevskii IP. *Jaro-Belakan Free Societies. Internal order and the fight against the Russian colonial offensive [Dzharo-belakanskie vol'nye obshchestva. Vnutrennii stroi i bor'ba s rossiiskim kolonial'nym nastupleniem]*. Tbilisi: USSR Academy of Sciences Transcaucasian branch, 1934 : 160. (In Russ).
11. Khapizov ShM, Galbatsev SM. *Avar Tsor (Zakatalla district) in the 18th – first half of the 20th centuries [Avarskii Tsor (Zakatal'skii okrug) v XVIII – pervoi polovine XX v.]*. Mahachkala: "Alef" Publ., 2016 : 294. (In Russ).
12. Van Lennep HJ. *Travels in Little-known Parts of Asia Minor*. London: John Murray, 1870. Vol. 1 : X+343.
13. Sarıbal İ. *Osmanlı Devleti'nde Muhaceret, İskân ve Entegrasyon: Bursa Sancağı Örneği (1845–1908)*. İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2018 : 186. (In Turkish).
14. Temizkan A. Kafkasya Muhacirlerinin Denizli'de İskânı. In: Özçelik A, Ertaş MY, Kılıç Y, Avcı Y, İnan S, Parlaz S, editors. *Uluslararası Denizli ve Çevresi Tarih ve Kültür Sempozyumu (Denizli, 2006). Bildiriler*. Denizli: Pamukkale Üniversitesi Yayınları, 2007 : 285–289. (In Turkish).

Поступила в редакцию 31.07.2022 г.

Принята в печать 11.09.2022 г.

Опубликована 30.03.2023 г.

Recieved 31.07.2022

Accepted 11.09.2022

Published 30.03.2023